

О.Н. Борох

*к.э.н, ведущий научный сотрудник, Институт Китая
и современной Азии РАН (Москва)*

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЕ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1950-х годов)

Аннотация. В статье рассматриваются процессы реформирования экономического образования в Китае первой половины 1950-х гг., когда марксистская политэкономия стала частью официальной идеологии. Среди китайских профессиональных экономистов того времени доминировали обладатели дипломов западных университетов. Кроме того, плавной адаптации старой профессуры к новым требованиям препятствовало давнее отчуждение между китайскими «буржуазными» и марксистскими экономистами. После недолгих споров о применимости в Китае западной экономической науки основанные на ней курсы были исключены из университетских программ. Освоение профессиональными экономистами русского языка и советской научной литературы привело к появлению аспектов теории, заслуживающих внимания исследований по истории русской экономической мысли. Ускорению темпов создания новой модели экономического образования способствовало открытие Народного университета Китая, где проникнутые революционным духом преподаватели были нацелены на всеобъемлющее заимствование опыта СССР. От обучения студентов экономической теории немногочисленными специалистами предстояло перейти к массовой подготовке преподавателей марксистской политэкономии, создать основанную на коллективизме образовательную систему. Соединить советскую политэкономия с китайской действительностью было нелегко: тогда китайские экономисты ещё не изучили новую теорию, а советские специалисты не понимали в полной мере китайскую специфику. Спор начала 1950-х гг. о факторах производительных сил продемонстрировал приверженность советских преподавателей сталинской трактовке, с чем не согласились отдельные китайские экономисты. Успехи в освоении советской модели были поставлены внутри Китая под сомнение как нежелательное проявление «догматизма». Близкое знакомство с советской политэкономией позволило китайским экономистам составить о ней собственное мнение и отказаться от её копирования, уделяя большее внимание национальной специфике.

Ключевые слова: марксистская политическая экономия, западная экономическая наука, Пекинский университет, Народный университет Китая, советские специалисты.

JEL: B2, B24, A2

УДК: 330.85

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_117_132

© О.Н. Борох, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Борох О.Н. Трансформация системы экономического образования в Китае (первая половина 1950-х годов) // Вопросы теоретической экономики. 2025. №4. С. 117–132. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_117_132.

FOR CITATION: Borokh O. Transformation of the Economic Education System in China (The First of Half of the 1950s) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 4. Pp. 117–132. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_117_132.

Введение

Создание Китайской Народной Республики (КНР) в 1949 г. стало поворотным пунктом в развитии китайской экономической науки XX в. Страна выбрала путь строительства социализма, марксистская идеология обрела официальный статус. Возникла необходимость реформирования системы высшего образования в соответствии с новым курсом экономического развития. Главенствующим компонентом экономической науки стала марксистская политическая экономия.

В 1950-е гг. советская модель оказала глубокое воздействие на становление новой системы экономического образования в Китае. Однако перестройка вузов и преподавания экономических дисциплин происходила не в пустоте. Исходным фоном преобразований была существовавшая инерционная академическая и образовательная среда, которая зачастую сопротивлялась переменам.

Важной научной проблемой является объективная целостная оценка исходного уровня экономической науки в преддверии реструктуризации китайского образования. В советском Китае в 1970-х гг. возникла и получила распространение характеристика экономической науки республиканского Китая как «одной из самых отсталых отраслей знаний» [*Китайская Народная Республика*, 1975. С. 363; *Пивоварова*, 1989. С. 87]. В Китае марксисты часто критиковали китайских «буржуазных» экономистов за отрыв от практики, несостоятельность теоретических воззрений и неспособность решить проблемы страны. Однако эти аргументы не могут служить подтверждением низкого уровня и «отсталости» экономической науки в Китае.

КНР унаследовала от потерпевшей поражение в гражданской войне гоминьдановской республики профессионально зрелое экономическое сообщество, хорошо разбиравшееся в западных экономических теориях. Ведущие преподаватели экономических дисциплин в китайских вузах получили образование в известных американских университетах. Встраивание этих учёных в новую социально-политическую реальность сопровождали споры и открытые идейно-теоретические разногласия. Изучение этой страницы истории китайской экономической мысли середины XX в. помогает выявить истоки современных усилий по созданию политической экономии с китайской спецификой.

В статье анализируются преобразования системы экономического образования в Китае в первой половине 1950-х гг. с точки зрения проблем институциональной адаптации и идейного перевоспитания старой профессуры, создание под влиянием СССР новой модели обучения и появление в Китае её критической оценки. Большое внимание уделено процессам заимствования советской экономической теории и образовательной практики. Статья опирается на первоисточники и исследовательские публикации на китайском языке.

Начало перестройки преподавания экономических дисциплин

К моменту создания КНР система высшего образования была сформирована по западным образцам. В стране насчитывалось 205 колледжей и университетов. Среди них частными были 81, включая 21 миссионерское учебное заведение, многие вузы получали субсидии от США [*Wu Huifan*, 2012. Р. 140]. Однако наличие американского финансирования и руководства в миссионерских университетах в новых условиях стало неприемлемым.

Р. Хейхо указывает, что первоначально власти намечали постепенные преобразования, при которых частные и миссионерские вузы сохранялись на 2–3 года. На стартовом этапе единственным «радикальным изменением» стали исключение гоминьдановской политической идеологии и введение марксистско-ленинских учебных программ [*Hayhoe*, 1996. Р. 74].

В первые годы существования КНР китайские власти стремились осуществить плавный «новомодемократический» переход без уничтожения «патриотической буржуазии»,

которой была предложена перспектива мирного вхождения в новый экономический механизм. В годы гражданской войны Коммунистическая партия Китая (КПК) создала широкий демократический фронт против Гоминьдана, его частью была интеллигенция. Патриотический альянс создавал предпосылки для постепенной ассимиляции старых университетов вместе с преподавательским составом.

Однако процесс трансформации не мог быть слишком долгим. Всекитайская конференция по высшему образованию в 1950 г. заявила, что «высшее образование должно служить экономическому строительству» [Wu Yuifan, 2012. P. 140]. Для решения поставленных задач страна нуждалась в экономистах, овладевших марксистской политэкономией.

Благоприятные условия для реформ существовали в Пекинском университете. Вуз не находился под контролем иностранцев и славился традициями демократических патриотических выступлений студенчества. Пекин перешёл под контроль КПК в начале 1949 г. до провозглашения создания КНР. В весеннем семестре почти все юридические курсы Пекинского университета наряду со многими курсами по общественным наукам были отменены из-за «реакционного» содержания. Среди учащихся пользовался популярностью новый факультативный курс «История общественного развития», который преподавал историк-марксист Хэ Ганьчжи. В осеннем семестре 1949 г. в Пекинском университете ещё не было марксистских учебников по общественным и гуманитарным наукам. Профессора преподавали марксизм, используя старые материалы [Stiffler, 2005. Pp. 233–234].

В 1930–1940-е гг. облик и содержание курсов экономической теории в китайских вузах определяли выпускники западных университетов. Экономисты-марксисты находились вне этого сообщества, конструктивного взаимодействия и взаимопонимания между ними не было. Марксисты обладали не только собственным представлением о перспективах социально-экономического развития Китая, но и глубоким знанием истории марксистской экономической мысли. До победы революции Ван Янань и Го Дали перевели «Капитал» К. Маркса, труды представителей классической политической экономии А. Смита и Д. Рикардо.

В 1949 г. Министерство образования направило Ван Янаня и Го Дали преподавать на экономический факультет Университета Цинхуа, выступавшего оплотом проамериканского мейнстрима. Исследователь Лю Цюньи с опорой на сделанное позднее признание экономиста Чэнь Дайсуня сообщает, что преподавательский коллектив не принял марксистов, на них писали анонимные жалобы. В итоге Министерству образования пришлось перевести Ван Янаня в Сямэньский университет, Го Дали стал сотрудником Института марксизма-ленинизма ЦК КПК [Liu Qinyi, 2021. P. 231].

История выдавливания из столичного вуза двух известных марксистских экономистов свидетельствовала о трудности плавной трансформации. Преодолеть сформировавшееся за несколько десятилетий отчуждение между «буржуазной» профессурой и марксистами без внешнего директивного вмешательства оказалось невозможно. В опубликованной через десять лет после создания КНР статье Ван Янань подтвердил свою былую неприязнь к англо-американской школе и действовавшему под её руководством в республиканский период Китайскому экономическому обществу: «Их теоретическая основа — субъективизм австрийской школы, прошедший ещё более вульгарную обработку американского типа» [Wang Yanan, 1959. P. 38].

Д. Стиффлер признаёт, что интеллектуальная элита университетов Пекина, Тяньцзиня и Шанхая в годы гражданской войны в подавляющем большинстве случаев выступала против Гоминьдана. Однако к победившим коммунистам она отнеслась с осторожностью, заняв выжидательную позицию. Глубокое влияние американской модели образования и культуры на китайские вузы препятствовало сближению с новой властью, опиравшейся в революции на крестьянские массы [Stiffler, 2005. P. 224]. Многие профессора с западными дипломами возмущались снижением стандартов при «открытии дверей для

рабочих и крестьян». Они выражали недовольство обесцениванием чисто академических исследований, сокращением личной и институциональной автономии в пользу исключительной ориентации на практическое служение государству [Stiffler, 2005. P. 232].

С 1950 г. власти начали использовать инструменты идейно-воспитательной работы. Чтобы способствовать сближению собравшихся вместе профессоров из разных университетов, правительство организовало для них поездку в Циндао на каникулы. Для приобщения к новой политико-экономической реальности преподавателей и студентов послали проводить земельную реформу. К примеру, профессор экономики Пекинского университета Чжоу Бинлинь участвовал в земельной реформе в провинции Гуанси в 1951–1952 гг. [Liu Qinyi, 2021. P. 232].

Этот экономист был типичным представителем старой интеллектуальной элиты. Чжоу Бинлинь получил магистерскую степень в Колумбийском университете США, изучал общественные науки в Лондонском университете и в Сорбонне. После возвращения в Китай в 1925 г. он преподавал в Пекинском университете и Университете Цинхуа, до 1949 г. возглавлял Школу права Пекинского университета [Zhang Youren, 2012. P. 3]. Кампания идейного перевоспитания способствовала его адаптации к новой реальности. 9 октября 1952 г. Чжоу Бинлинь опубликовал в партийной газете «Жэньминь жибао» статью с хвалебными оценками Мао Цзэдуна [Zhang Youren, 2012. Pp. 12–13].

Экономисты Пекинского университета о реформе образования

Попытки старой профессуры включиться в изменившийся общественно-политический контекст и заговорить на новом языке порождали споры. В ноябре 1949 г. сразу после победы революции профессор Пекинского университета Фань Хун опубликовал в журнале «Синь цзяньшэ» («Новое строительство») статью «О пятой колонне и детской болезни левизны в экономической науке» [Fan Hong, 2012. Pp. 257–262]. Он утверждал, что нельзя полностью отрицать буржуазную экономическую науку, из нее можно что-то заимствовать и использовать. Однако её также нельзя полностью принимать, поскольку недопустимо пренебрегать её сутью — служением капитализму. Западную экономическую науку Фань Хун освоил в Кембриджском университете, в конце 1930-х гг. он с марксистских позиций критиковал учение Дж.М. Кейнса.

Фань Хун заявил, что в преподавании политической экономии в Китае появились два заметных уклона. «Первый уклон можно назвать пятой колонной или третьим путём, второй — детской болезнью левизны» [Fan Hong, 2012. P. 258]. Первый уклон сочетает марксистское учение с буржуазной экономической наукой, «это похоже на шаг вперед, два шага назад, эффект в обучении равен нулю» [Fan Hong, 2012. P. 261]. Но если буржуазную науку только критиковать, получается слишком левый уклон. Фань Хун призвал устранить оба уклона.

Текст вызвал неоднозначную реакцию, побудившую экономиста выступить с самокритикой в газете «Жэньминь жибао» [Fan Hong, 1950]. Фань Хун пояснил, что использовал заострённые формулировки «пятая колонна» и «детская болезнь левизны» для того, чтобы побудить коллег обратить внимание на своё выступление.

В центре находился вопрос об отношении к немарксистской экономической науке. «Несомненно, её позиции, взгляды и методы должны быть отвергнуты. Но весь ли содержащийся в ней анализ фактов ничего не стоит и также должен быть отвергнут? Если ответ на этот вопрос утвердительный, то ниспровергнуть придётся не других, а самого себя. Современные буржуазные экономисты говорят, что цена зависит от спроса и предложения, нужно ли это отвергать? Должна ли быть отвергнута “максимальная” прибыль капиталиста, которая “стабилизируется” в точке пересечения предельного дохода и предельных издержек? Должна ли быть отвергнута дифференциальная земельная рента, регулируемая

общественным законом убывающей отдачи земли? Если все эти простые вещи будут отвергнуты, то “Капитал” Маркса не устоит» [Fan Hong, 1950].

Фань Хун указывал, что «Капитал» основан на материалах изучения этих экономических явлений и продолжает их исследование. Если эти явления исчезнут из сферы внимания экономической науки, не станет и «Капитала». Учёный не ставил под сомнение нацеленность теорий буржуазных экономистов на явления, а не на суть, признавая, что по сравнению с глубиной марксизма такое понимание очень вульгарно. Однако если отмеченные явления не являются вымышленными, их не нужно отрицать, необходимо раскрыть их сущность. По мнению Фань Хуна, подобный подход к буржуазной экономической науке позволит избежать многих споров.

«Где буржуазные экономисты видят только отношения между людьми и вещами, мы показываем отношения между людьми. Именно это я имел в виду, когда сказал в статье, что буду использовать буржуазное знание явлений как материал для дальнейших исследований и служения пролетариату. Хотя эта идея не ошибочна, я её не разъяснил, что сбило людей с толку и даже заставило их поверить в правильность буржуазных экономических теорий и побудило к их реставрации... В эпоху новой демократии мы должны отвечать за сказанное. Мои слова были слишком общими и вводили в заблуждение, что свидетельствовало о безответственности. Это ошибка, которую я должен признать» [Fan Hong, 1950].

Учёный заявил, что в эпоху новой демократии нужно объединить 90% населения для участия в строительстве нового Китая. «Я не выходец из пролетарской среды. Хотя я зарабатываю на жизнь собственным трудом с тех пор, как окончил университет, я никогда не жил организованной и дисциплинированной пролетарской жизнью. По этим причинам у меня мелкобуржуазный менталитет нетерпения, или нетерпение независимого трудящегося. В период единства и преобразований я не должен был произвольно навешивать ярлыки “пятой колонны” или “детской болезни левизны”. Мелкобуржуазное нетерпение или нетерпение отдельного независимого трудящегося неизбежно разрушает единство на практике. Это ещё одна моя ошибка, и я хочу извиниться за нее» [Fan Hong, 1950].

Царившую в республиканский период западную экономическую науку за год вытеснили из университетского курса, чтобы освободить место для марксистской политэкономии. 26 июня 1950 г. профессор экономики Пекинского университета Чэнь Чжэньхань написал находившемуся за границей коллеге Цзян Шоцзе личное письмо о ситуации на факультете. Тот переправил послание обосновавшемуся в США известному либеральному мыслителю Ху Ши. Материал вошёл в опубликованные дневники Ху Ши (запись от 9 сентября 1950 г.) и стал ценным свидетельством участника трансформации преподавания экономических дисциплин [Hu Shi, 2001. Pp. 50–51].

Чэнь Чжэньхань сообщил, что в преподавании общественных наук власти следовали политике «решительно преобразовывать, постепенно реализовывать», сделав акцент на «политических занятиях» (диалектический материализм, исторический материализм, теория новой демократии). «Их изучают во всех учебных заведениях все студенты не менее девяти часов в неделю. Для совершенствования методов преподавания делают упор на групповые дискуссии, планирование содержания курсов» [Hu Shi, 2001. P. 50].

Письмо сообщало, что учебные планы изменили, исходя из требования сделать акцент на марксизме-ленинизме в содержании образования. «На экономических факультетах курсы “Введение в экономическую науку” и “Экономический анализ” и др. отменены (например, в Цинхуа) или преобразованы в факультативные (например, в Пекинском университете). Со следующего года таких курсов не будет ни в одном университете страны» [Hu Shi, 2001. P. 50]. Чэнь Чжэньхань отметил, что теория, «которую мы раньше изучали, останется только в истории мысли, или займет место в специальных курсах, и только в форме критики» [Hu Shi, 2001. P. 50].

В письме он поведал, что на экономическом факультете Пекинского университета введён новый курс «Политическая экономия» (марксистско-ленинская экономическая наука) в качестве обязательного предмета для Школы гуманитарных наук и Школы права. Были сформированы четыре группы, в которых должны были преподавать Фань Хун и его ученики. Курсы по изучению «Капитала», экономике новой демократии, экономике СССР и земельной реформе читали в Пекинском университете приглашённые преподаватели из других вузов. Прежний курс «Введение в экономическую науку» был заменён на факультатив через полгода после создания КНР. Курс «Экономический анализ» профессора Чжоу Бинлиня заменён на факультатив с самого начала, со следующего учебного года он отменяется.

В прочие профильные курсы, получившие новое наименование «профессиональные предметы», были внесены содержательные изменения. По мнению Чэнь Чжэньхана, происходило «сокращение чисто теоретического анализа и добавление материалов о практической политике» [Hu Shi, 2001. P. 51]. О себе он сообщил в письме, что преподаёт политическую экономию наряду со спецкурсами по экономической истории Китая Нового времени и экономической истории, участвует в многочисленных собраниях. «В университетском преподавании внутри страны за год по сравнению с прошлым есть прогресс в политическом сознании и в соединении с практикой. Уровень, напротив, снизился. На какое-то время это явление, которого невозможно избежать» [Hu Shi, 2001. P. 51].

Другое вошедшее в дневники Ху Ши письмо на сходную тему написал преподаватель экономической теории Пекинского университета Чжао Найтуань, защитивший в 1920-е гг. в США в Колумбийском университете под руководством Э. Селигмена диссертацию об английском экономисте XIX в., критиковавшем Д. Рикардо, Ричарде Джонсе [Zhang Youren, 2012. P. 55]. Когда в начале 1949 г. на экономическом факультете Пекинского университета перестали читать излагавший основные принципы «буржуазной» экономической теории курс «Введение в экономическую науку», Чжао Найтуань самостоятельно добавил курс «Введение в цены», включавший важные темы рыночной экономики, но оставшийся невостребованным на фоне роста интереса к плановому хозяйству [Zhang Youren, 2012. P. 72].

В личном письме к Цзян Шоцзе от 8 января 1950 г. Чжао Найтуань сообщил, что с осени 1949 г. была проведена масштабная реформа учебных курсов. Политические курсы стали обязательными, профессиональные предметы были оптимизированы, особенно в области экономической теории. В методах преподавания сделан упор на обсуждения в группах, пропагандируется коллективное обучение, индивидуальными исследованиями пренебрегают. «Идейной свободы не существует совсем. С утра до вечера преподаватели и студенты заняты проведением собраний, не хватает времени на чтение книг. Всё это приводит к тому, что научный уровень с каждым днём снижается... Сейчас в прессе нет новостей, ощущение подобно лягушке на дне колодца¹, очень тоскливо» [Hu Shi, 2001. P. 51].

В 1952 г. Чжао Найтуань вместе с преподавателями и студентами участвовал в земельной реформе в провинции Гуанси. Летом 1952 г. после реструктуризации он остался на экономическом факультете Пекинского университета [Zhang Youren, 2012. Pp. 72–73].

Публикация Фань Хуна наряду с личными посланиями Чэнь Чжэньхана и Чжао Найтуаня свидетельствуют о готовности старой профессуры включиться в новую образовательную программу. В 1950 г. Фань Хун и Чэнь Чжэньхань преподавали в Пекинском университете марксистскую политэкономию [Hu Shi, 2001. P. 51].

¹ «Лягушка на дне колодца» — китайское выражение, означающее узкий кругозор человека, неспособность целостного восприятия происходящего.

Освоение старой профессурой русского языка и советской научной литературы порождало неожиданные и заслуживающие внимания результаты. Выпускник Кембриджа Сюй Юйнань, занимавшийся до победы революции переводом трудов Кейнса, опубликовал статью об экономических взглядах А.Н. Радищева. Учёный опирался на советские издания «Избранных сочинений» [Радищев, 1949a] и «Избранных философских сочинений А.Н. Радищева» [Радищев, 1949b]. Помимо «Путешествия из Петербурга в Москву», Сюй Юйнань изучил «Письмо о китайском торге» и путевые заметки из Сибири, проекты организации таможенного дела и введения новых пошлин. Китайский экономист проанализировал предложенные Радищевым теории развития промышленности, торговли и ценообразования, денег, налогов и пошлин [Ху Юйнань, 1954].

Опыт изучения западной экономической науки помог преподававшему в Пекинском университете Сюй Юйнаню рассмотреть страницы истории русской экономической мысли XVIII в. в мировом контексте. Он назвал безосновательными заявления буржуазных учёных о том, что экономические идеи Радищева «пришли извне» и не были самостоятельными. Эти взгляды были порождением истории российского общества на фоне ситуации в России. Ставший основой учения Радищева философский материализм был направлен против феодальной формации российского общества. Его отношение к крепостничеству, взгляды на вопросы денег и пошлин предлагали решение российских проблем. Хотя в то время уже появилось либеральное учение Смита о свободе торговли, Радищев доказывал необходимость таможенных пошлин. По мнению китайского экономиста, это показывает, что его учение выросло на собственной почве [Ху Юйнань, 1954. Р. 47].

Сюй Юйнань выделил четыре характеристики, подтверждающие передовой характер нацеленного против крепостничества учения Радищева.

Во-первых, оно было единым, в нём соединились философские и экономические идеи. У физиократов, Смита и Рикардо, подобной единой системы не было, а этическое учение Смита даже входило в конфликт с его экономическими воззрениями.

Во-вторых, Радищев научно проанализировал классовое противостояние в российской деревне. Он указал на причины низкой производительности в сельском хозяйстве, выступил за свержение крепостнической системы революционными методами, обосновал необходимость каждому пахарю иметь своё поле.

В-третьих, хотя многие его предложения открывали путь развитию капитализма в России, Радищев не стоял на позиции буржуазии. Он исходил из интересов трудящихся масс, прежде всего крестьян.

В-четвёртых, он раскрыл эксплуататорские источники «прибавочной» цены (прибыли), глубоко проанализировал суть бумажных денег, раскрыл отношения между бумажными деньгами и валютным курсом, овладел законами обращения бумажных денег. В этом Радищев превзошёл успехи западных современников и даже более позднего по времени Рикардо.

Сюй Юйнань пришёл к выводу, что Радищев — это великий мыслитель XVIII в. и прогрессивный экономист, основоположник течения революционных демократов в российской политэкономии, которому принадлежит «славное место в истории развития как российской, так и мировой экономической науки» [Ху Юйнань, 1954. Р. 47].

Китайский исследователь применил к изучению российской экономической мысли высокие профессиональные стандарты. Он изучил и проанализировал источники на русском языке, включая довольно сложные для понимания — например, «Письмо о китайском торге» [Ху Юйнань, 1954. Рр. 43–44]. Учёный стремился самостоятельно разобраться в идеях Радищева, рассматривая их в контексте мировой мысли. Одновременно Сюй Юйнань соблюдал академические правила того времени, ссылаясь на труды И.В. Сталина и В.И. Ленина. Если бы это направление получило развитие, в Китае могли появиться интересные работы, предлагающие новый взгляд на историю русской экономической мысли.

Путь к созданию нового университета

Руководство пекинских вузов пыталось отстаивать свои интересы в относительно краткосрочном «окне возможностей», которое существовало с начала 1949 г. до осени 1950 г., когда вступление Китая в Корейскую войну привело к ужесточению отношения к «буржуазной» идеологии и её носителям [Stiffler, 2005. Рр. 213–214]. Кампания по идейному перевоспитанию интеллигенции началась в декабре 1950 г. Известные профессора публично осудили свою былую приверженность проамериканскому буржуазному мышлению, заявив о готовности служить народу и учиться у Советского Союза [Stiffler, 2005. Р. 236].

Вышедшие в Китае в начале 1950-х гг. статьи с критикой настроений в преподавательском сообществе делали акцент на трудностях преобразований. Одна из публикаций отмечала, что «реакционные идеи преклонения перед США» сохранились в умах профессуры. У некоторых это низкопоклонство достигло степени слепой веры, они рассматривают всё американское как незыблемый закон, тогда как «в отношении успехов советской науки занимают позицию сомнения, недоверия». Часть преподавателей не только превозносит западную материальную цивилизацию, но и продолжает ориентироваться на публикацию научных статей за границей. Один из них сказал студенту третьего курса факультета гражданского строительства, что его статью лучше опубликовать в США, а не в Китае, предложив помощь в её переводе на английский язык и отправке текста в Америку. Некоторые открыто говорят студентам, что их курсы дадут знания, которые помогут без проблем поехать учиться в США [Sixiang gaizao..., 1952. Р. 53].

Помимо инерции мышления, трудность реформ была обусловлена нечёткостью понимания направления и экономического содержания «новodemократического образования». Экономическая теория новой демократии основывалась на предпосылке полуфеодального и полукOLONиального статуса дореволюционного Китая. Её теоретической базой служила теория производительных сил и производственных отношений Маркса. Эта концепция была интегрирована с идеологией народного благосостояния Сунь Ятсена, одной из точек отсчёта выступал опыт новой экономической политики в СССР.

От подготовки немногочисленных специалистов по экономической теории ведущим университетам предстояло перейти к массовому выпуску кадров со знанием марксистской политэкономии для её широкого преподавания как идейно-теоретической дисциплины во всех китайских вузах. Новые преподаватели и научные сотрудники высшей школы должны были усваивать воззрения и методы марксизма-ленинизма, обладать базовыми знаниями и опытом в области политической экономии, способностями к самостоятельной работе [Liu Qunyi, 2021. Р. 237].

Для ускоренного решения этой задачи было решено создать новый образцовый университет, не обременённый «буржуазными» академическими традициями и потому более пригодный к внедрению советской модели преподавания идеологических дисциплин. Эта идея возникла до образования КНР. Мао Цзэдун говорил: «ВКП(б) — наш лучший учитель, и мы должны учиться у них» [Mao Zedong, 1991. Р. 1481]. В июле 1949 г. в телеграмме посещавшему в то время СССР Лю Шаоци он призвал «учиться у Советского Союза комплексу учений и институтов, отличных от буржуазных, в различных областях работы, создать такой университет необходимо» [Mao Zedong, 2013. Р. 605].

В состав комиссии по подготовке создания нового университета вошли два советских советника. Комиссия посетила ряд университетов в Тяньцзине и Пекине осенью 1949 г. с целью выбрать один из них в качестве базы. Однако глава комиссии Лу Динъи предупредил, что буржуазию не следует антагонизировать, в результате было принято решение о создании полностью нового университета [Stiffler, 2007. Р. 291].

Советские советники выявили многочисленные недостатки старых вузов, созданных в республиканскую эпоху. Их преподаватели получили образование в Америке

или Европе, в библиотеках мало или вообще нет книг на русском языке, среди студентов преобладают дети буржуазии, землевладельцев и интеллигенции, практически нет выходцев из крестьянства и трудящейся бедноты. Советники заключили, что США оказывают очень сильное влияние на китайские вузы, в особенности на получавшие американское финансирование Университет Цинхуа и Яньцзинский университет. Это воздействие чётко прослеживается не только в структуре учебных заведений, но и в учебных материалах, в идеологии преподавателей и студентов и даже в их сшитой по американскому образцу одежде. Было отмечено, что часть профессорско-преподавательского состава относится к новому общественному строю враждебно, выражает недовольство введением обязательных курсов по социально-экономическим дисциплинам и русскому языку [Stiffler, 2007. Рр. 291–292].

Осенью 1950 г. в Пекине был создан полностью новый Народный университет Китая. Там были собраны проникнутые революционным духом преподавательские кадры, вуз открыл двери для студентов из рабочих и крестьян. Проректор Чэн Фанъу пояснил, что в прошлом считалось разумным, когда каждый преподаватель учил студентов в соответствии с собственным пониманием своего курса или даже исходя из личных интересов. Если кто-то высказывал профессору мнение о содержании или методе чтения лекций, тот воспринимал это как заведомое оскорбление и посягательство на его свободу. Преподаватель не нес никакой ответственности за обучение своих студентов. В новой ситуации подобные методы и подходы не могут гарантировать идейность и научность содержания преподавания. Более того, они способствуют распространению реакционерами ошибочного и даже реакционного яда, поощряют недисциплинированность, индивидуализм и анархию буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции [Cheng Fangwu, 1951].

Новая организация преподавания в Китае должна была стать коллективной. В подтверждение проректор Народного университета Китая сослался на слова из XI главы первого тома «Капитала» Маркса о том, что планомерный совместный труд раскрывает человеческие способности, «дело идёт не только о повышении путём кооперации индивидуальной производительной силы, но и о создании новой производительной силы, которая по самой своей сущности есть массовая сила» [Маркс, 1960. С. 337].

Более сложной была задача реформирования находившихся в Пекине по соседству трёх известных университетов. Власти решили сделать Пекинский университет многопрофильным, объединив гуманитарные и юридические школы Университета Цинхуа и Яньцзинского университета и включив их в состав Пекинского университета. Реформа была нацелена на укрупнение масштаба и ликвидацию дублирования. В новых условиях лишним оказался созданный американцами миссионерский Яньцзинский университет — его упразднили и передали территорию Пекинскому университету [Liu Qunyi, 2021. Р. 231].

План реструктуризации Пекинского университета, Университета Цинхуа и Яньцзинского университета был выдвинут в конце 1951 г. Одним из аргументов могли стать трудности в процессе интеграции в единый коллектив старой и новой профессуры. Реакция на сопротивление снизу поначалу была сдержанной. Когда часть преподавателей Школы права Университета Цинхуа не захотела переходить в Школу права Пекинского университета, Министерство образования пошло на уступки. В Университете Цинхуа создали собственную Школу финансов и экономики на базе Школы права с приглашением части профессоров Школы права Пекинского университета. Однако это решение не было долгосрочным. В ходе дальнейшей реструктуризации высших учебных заведений в 1953 г. Школа финансов и экономики Университета Цинхуа была упразднена и включена в состав Народного университета Китая [Liu Qunyi, 2021. Р. 232].

Внедрение советского опыта

В 1952 г. в китайских вузах началась реформа, нацеленная на широкомасштабное изучение советского опыта. Система преподавания опиралась на советские учебные планы, программы и учебники, подготовку специалистов вели в соответствии с советской схемой вузовских специальностей. 1952–1955 гг. стали периодом активного усвоения Китаем советской образовательной модели, её адаптации к местной специфике [Zhao Jing, 2012. P. 64].

В феврале 1953 г. министр высшего образования Ма Сюйлунь выдвинул лозунг «систематического изучения передового опыта СССР в области построения образования». В 1954 г. его преемник на этом посту Ян Сюфэн заявил: «Наши реформы в области преподавания долгое время не начинались, а изучение передового научно-технического и педагогического опыта Советского Союза далеко не систематическое и не глубокое, в нём ещё много формализма». Министерство предложило «продолжить всестороннее изучение передового опыта» СССР [Zhao Jing, 2012. P. 64].

Народный университет Китая первым заимствовал советскую систему кафедр, после 1953 г. она была распространена на все китайские вузы. Кафедры стали инструментом сплочения преподавательских коллективов, площадками для планирования работы, контроля над выполнением планов образовательной и научной деятельности, налаживания связей между вузами и производством. Критерии отбора преподавателей и студентов Народного университета учитывали уровень идеологической подготовки. По словам ректора, среди них не было ни одного, кто относился к передовому опыту СССР скептически или враждебно [Wu Yuzhang, 1953].

Народный университет воспринимал присутствие большого количества советских специалистов как благоприятное условие. В них видели наставников во всех сферах, у них учились не только знаниям, но и «большевистскому опыту», «методам ведения дел», преодолевая «ложное чувство собственного достоинства». «Перед лицом советских специалистов мы подобны младенцам, открыты и искренни. Независимо от того, насколько большой вопрос, если не понимаем, то смело спрашиваем. Нет ничего, о чём бы мы не спрашивали у советских специалистов, поскольку у нас есть дух увлечённости учёбой и любознательности» [Jin yi bu ..., 1953. P. 2].

Но даже в этом вузе некоторые «как лягушки на дне колодца начали расхваливать собственные поверхностные знания», «в отношении советских специалистов стало меньше скромности и готовности принять их всей душой», «по отношению к товарищам ещё более зазнались» [Op. cit., 1953. P. 2]. Ранние симптомы усталости от советского опыта были восприняты с тревогой. Преподавательскому составу напомнили, что они научились общему, не овладев глубинной сутью. «У некоторых людей возникли сомнения — подходит ли нам советский опыт? Подходят ли нам методы заимствования советского? На самом деле эти недостатки возникают не потому, что мы слишком много учимся у советских специалистов, а, наоборот, слишком мало... Чем больше мы станем учиться у советских специалистов, тем больше будут наши возможности работать самостоятельно. Чтобы мы смогли в будущем “отойти” от советских специалистов, сегодня должны на них опираться (но не быть зависимыми)» [Op. cit., 1953. Pp. 2–3].

Обучение у советских специалистов было наиболее практичным и эффективным способом освоения передового опыта социалистического строительства в Советском Союзе [Zheng Gang, Lan Jun, 2007. P. 125]. В 1954 г. по итогам обсуждения опыта преподавания в Народном университете Китая Министерство высшего образования признало его успехи в учёбе у СССР и призвало прочие вузы следовать данному примеру. Так был утверждён лидирующий академический статус Народного университета в области финансов и экономики, политики и права, марксистско-ленинской философии.

Опиравшаяся на кафедры «коллективистская система» Народного университета сформировала интегрированную учебную цепочку — лекции, обсуждение в аудитории, консультации, устный экзамен. Советские специалисты подчёркивали, что принцип коллективизма указывает на взаимосвязь преподавателей социалистической принадлежности, «в буржуазных вузах нет организаций подобных кафедрам, нет связей между преподавателями, а если они есть, то являются исключительно личными или партийными» [Wu Qimin, Geng Huamin, 2017. P. 67].

По словам проректора Ху Сикуя, сочетание индивидуального творчества с коллективным сотрудничеством стало «величайшей особенностью» преподавания в Народном университете. Он подчеркнул: «Основной принцип организации кафедры заключается в том, чтобы в полной мере использовать силу коллектива на основе индивидуальных независимых исследований, а также под централизованным руководством заведующего кафедрой в полной мере развивать демократию, осуществлять критику и самокритику» [Wu Qimin, Geng Huamin, 2017. P. 67].

Студенты в аудитории должны были соблюдать дисциплину, им не следовало открыто высказывать сомнения преподавателю, замечания можно было делать в письменном виде в конце занятия. Советские специалисты подчёркивали, что «лекции должны быть направлены против буржуазии, лектор должен разоблачать реакционные теории, которые буржуазия, в особенности американской и британской империй, принесли в Китай». Кафедра чётко заявила, что «марксистско-ленинская политэкономика — это наука с сильным классовым и партийным характером, оружие пролетарской борьбы» [Wu Qimin, Geng Huamin, 2017. P. 67].

Народный университет Китая занимался популяризацией советской экономической теории. После публикации в 1955 г. китайского перевода советского учебника политэкономии в Китае была развёрнута работа по его разъяснению. Написанное под руководством Сюй Хэ «Объяснение терминов (в учебнике политической экономии)» печатали в журнале Народного университета «Цзяосюэ юй яньцзю» («Преподавание и исследования») начиная с 10-го номера за 1955 г.

К середине 1950-х гг. вместе с китайскими коллегами советские специалисты создали в Народном университете теоретический курс политэкономии, ставший образцом для других вузов. Они пропагандировали коллективизм ради воспитания обладающих духом партийности и плановым стилем работы преподавателей политэкономии, создания системы регулирования их деятельности. Большое значение придавалось систематическому обучению теоретическим знаниям и делался упор на изучение классических работ.

Китайская критика советской модели экономического образования

Преподававшие в Китае марксистскую политэкономия советские специалисты признавали необходимость адаптации содержания привнесённых из СССР лекционных курсов к китайской действительности. Однако высокий авторитет советского опыта строительства социализма обусловил его доминирование в учебной программе политической экономии. Присущее дореволюционной системе партийного теоретического образования конца 1930–1940-х гг. внимание к качеству усвоения материала при его меньшем количестве ушло на задний план [Wu Qimin, Geng Huamin, 2017. P. 71].

Зарубежные исследователи сообщают, что руководство Народного университета указывало на недостаточное знание советскими специалистами Китая и периодически требовало предоставлять им информацию о стране в русском переводе [Stiffler, 2010. P. 313]. По мнению заведующего кафедрой политэкономии Народного университета Сун Тао, попытки добавить экономическую специфику Китая в советские лекции оказались недостаточно эффективными в том числе потому, что у китайских преподавателей отсутствовала соответствующая информация и база знаний [Wu Qimin, Geng Huamin, 2017. P. 66].

В 1954 г. преподававший в Народном университете А.М. Бирман жаловался, что курс «Финансы» полностью основан на сведениях об СССР и нуждается в добавлении материалов по Китаю. Он повторил эту критику в июне 1955 г. на встрече-дискуссии советских специалистов. В 1955–1956 учебном году Бирман окончательно отказался от отдельных разделов по финансам в Советском Союзе и финансам в Китае и объединил их [Stiffler, 2010. P. 313].

Тема соединения советского опыта с китайской реальностью стояла на повестке дня давно, этого постоянно требовали китайские власти. В 1952 г. кафедрам было предложено составлять «китаизированные лекции». Заместитель советника ректора Народного университета В.Ф. Филиппов подчёркивал, что «советский опыт не следует пересаживать механически, нехорошо применять его в виде догмы». Были выдвинуты требования повысить эффективность обучения в свете реальной ситуации в Китае, преодолеть зависимость от советских экспертов как «ходячих энциклопедий» [Geng Huamin, Wu Qimin, 2016. P. 64].

Советские специалисты пропагандировали в КНР идеологическую бдительность и верность линии партии. В мае 1953 г. преподававший в Народном университете Китая Б.Г. Болдырев назвал ошибочным мнение китайских коллег о том, что изучавшие в вечернем университете марксизм-ленинизм и труды Мао Цзэдуна не подвержены влиянию буржуазных идей. Докладчик отметил, что в СССР большинство людей воспитано советской властью, однако неправильно считать, что у них нет капиталистических идей. Во многие советские статьи авторы невольно включают буржуазные взгляды — это объективизм, когда некритически используют официальные буржуазные материалы, и субъективный идеализм, когда опираются на чьи-либо субъективные представления и не исходят из объективных экономических законов. Болдырев призвал использовать в научной работе широкий круг источников — при исследовании китайских налогов не следует ограничиваться материалами о налогообложении в Китае, необходимо собирать сведения о налогах в других странах, обращаться к литературе по теории финансов и к произведениям классиков. Советский специалист высоко оценил написанную в конце 1930-х гг. работу Мао Цзэдуна «Относительно противоречия», направленную против ошибочных субъективных взглядов внутри КПК и затронувшую широкий круг проблем (философия Гегеля, взгляды Богданова, древнекитайская литература, вопросы истории), назвав её наряду с другими трудами Мао Цзэдуна «образцом научной работы» [Baodeliefu, 1953. P. 22].

Примечательной страницей советско-китайского интеллектуального взаимодействия стал спор начала 1950-х гг. о факторах производительных сил. Советские специалисты опирались на «Краткий курс истории ВКП(б)», где во втором параграфе четвёртой главы говорилось, что производительные силы состоят только из двух элементов, а именно рабочей силы и средств труда, предмет труда они не включают. В этом их поддерживали представители китайского марксистского мейнстрима того времени. Однако часть китайских экономистов оспорила этот подход. Ссылаясь на Маркса, они утверждали, что предмет труда является важным элементом производительных сил [Li Xin, 1992. P. 1].

Уже в конце 1930-х гг. китайские марксисты обратили внимание на несогласованность между подходом Маркса (производительные силы состоят из труда, средств труда и предмета труда) и «Кратким курсом», утверждавшим: «Орудия производства, при помощи которых производятся материальные блага, люди, приводящие в движение орудия производства и осуществляющие производство материальных благ благодаря известному производственному опыту и навыкам к труду, — все эти элементы вместе составляют производительные силы общества» [История..., 1938. С. 114–115].

Ли Синь вспоминал, что в период «движения за упорядочение стиля» в 1942 г. «Краткий курс» стал для китайских коммунистов обязательной для чтения книгой. Считалось, что раздел о марксизме написал сам Сталин, и это — наивысшее развитие теории. Обратив внимание на несоответствие между тремя факторами Маркса и двумя

факторами Сталина, Ли Синь задал вопрос своим наставникам. Ему ответили, что в эпоху революции надо подчёркивать субъективные способности и боевитость, поэтому следует говорить только о двух факторах, акцентировать роль человека [Li Xin, 1992. P. 1].

После образования КНР Ли Синь работал в Народном университете, где было много советских специалистов. Все они отмечали развитие Сталиным теории Маркса, обращая особое внимание на этот параграф. Они утверждали, что производительные силы представляют субъективные производственные способности людей и потому не могут включать предмет труда. Учившийся у советских специалистов китайский преподаватель утверждал, что теория трёх элементов производительных сил сводится к идее зависимости от естественных обстоятельств («питаться тем, что небеса пошлют»), тогда как теория двух факторов воплощает идею господства людей над природой («решимость человека побеждает небо»). Рассуждения о том, что революционеры должны принять эту идею и отвергнуть мысль о зависимости от природных обстоятельств, были «восхвалением Сталина и критикой Маркса» [Li Xin, 1992. P. 1].

Работавший в Институте марксизма-ленинизма ЦК КПК (Центральной Партшколе ЦК КПК) марксист Ван Сюэвэнь усомнился в этой точке зрения и поддержал теорию трёх факторов производительных сил, что вызвало дискуссию по всей стране, в особенности в Народном университете Китая и в Партшколе. По воспоминаниям Ли Синя, советские специалисты в Народном университете защищали позицию Сталина, никто не осмелился встать на сторону Ван Сюэвэня, «поэтому дискуссия не развернулась, большинством голосов “победили”» [Li Xin, 1992. P. 2].

Этот спор имел важное символическое значение. С критикой советского понимания марксизма выступили не «буржуазные» интеллектуалы, а китайские марксисты. Сталинская трактовка устояла, поскольку была воспринята китайским руководством, подчёркивавшим важность субъективного фактора в экономическом развитии.

Советские специалисты придали цитатам Сталина непререкаемый авторитет. Критика Сталина в СССР спровоцировала кризис легитимности теоретических установок, уже утвердившихся в Китае. После XX съезда КПСС в 1956 г. Мао Цзэдун выступил за разработку собственного пути социалистического строительства в Китае. Китайская сторона скорректировала программу обучения, снизив нагрузку на студентов, связанную с высокой долей курсов политической теории и русского языка, было ликвидировано дублирование изучаемых дисциплин политической теории [Geng Huamin, Wu Qimin, 2016. P. 64].

Призыв партийного руководства отказаться от догматизма в учёбе у СССР побудил Народный университет заменить курс основ марксизма-ленинизма на курс по истории социалистического движения. Количество часов на изучение «Краткого курса истории ВКП(б)» было сокращено. Вдохновлённая советским опытом практика создания опорных кафедр вместо факультета также была пересмотрена. 22 мая 1956 г. Министерство высшего образования приняло решение о создании в Народном университете нового экономического факультета, в нём открыли специальность «политическая экономия» с набором студентов на пять лет. Деканом факультета стал Сун Тао, заместителями — Ван Лэй и Сюй Хэ; были созданы три кафедры — политической экономии, истории экономических учений и отраслевой экономики. Бывший экономический факультет был переименован в факультет планирования и статистики [Wu Qimin, Geng Huamin, 2017. P. 66].

По мере уменьшения авторитета СССР в КНР снижалось влияние советских наставников. Последний советский преподаватель кафедры политэкономии Народного университета В.С. Спановский, работавший в Китае до июня 1957 г., вступил в спор с китайской профессурой. Он утверждал, что процент, получаемый капиталистами после перехода к совместному управлению предприятиями с участием государственного и частного капитала в китайской промышленности и торговле, не является эксплуатацией. Однако на фоне кампании против «правых элементов» и начала наступления властей на частный капитал

это мнение стало для китайской стороны политически неприемлемым. Кафедра отвергла взгляды Спановского [Wu Qimin, Geng Huamin, 2017. P. 66].

Советская сторона не приветствовала участие командированных специалистов в китайских идейно-теоретических дискуссиях. Иллюстрацией происходившего служит история философа П.П. Иониди. 19 февраля 1957 г. он выступил с приуроченным к пятидесятилетию кончины великого русского химика докладом «Естественнонаучное и философское значение периодической системы Менделеева». Характеристика Менделеева как осознанного материалиста и диалектика вызвала несогласие с китайской стороны. Заведующий кафедрой основ естественных наук философского факультета Народного университета Линь Ваньхэ заявил, что Менделеев развивал материализм лишь спонтанно.

Узнав об этом, посольство СССР в Китае направило в Народный университет советника по культуре Н.Г. Сударикова с просьбой прекратить распространение конспектов лекций Иониди. Дипломат заявил, что Иониди «не может эффективно аргументировать» учение марксизма-ленинизма и «нагромождает множество взглядов, не представительных для философского сообщества». Он подсказал, что вместо Иониди чтением его лекций мог бы заняться специалист по диалектическому материализму из Пекинского университета.

Декан философского факультета Народного университета Хэ Сыцзин был удивлён реакцией советского посольства. Он считал, что «вопросы, поднятые специалистом, действительно обширны, и их глубокое решение — долгий процесс» и не понимал, «почему это ошибка». Кафедра философии надеялась, что «товарищ Иониди останется и продолжит направлять нашу работу, помогая ей». Однако приглашённый на два года специалист был досрочно отозван в Советский Союз в июне 1957 г. [Stiffler, 2010. Pp. 315–319].

На фоне разочарования в советской модели и роста накала борьбы против «правых» КПК обратилась к пропаганде опыта дореволюционного партийного образования в освобождённых районах [Geng Huamin, Wu Qimin, 2016. P. 66]. Народный университет и советских специалистов провозгласили источником «догматизма» в курсах политической теории в китайских вузах. Снять это клеймо университету удалось только в 1964 г. по итогам Всекитайского рабочего совещания о курсах политической теории.

Сунь Дацюань отмечает, что в первой половине 1950-х гг. некоторые китайские экономисты избежали «суеверного поклонения» советским учебникам и разрабатывали собственные теории, основанные на специфике экономических проблем Китая. Ректор Пекинского университета Ма Иньчу выдвинул «теорию комплексного баланса» и «новую теорию народонаселения», которая вызвала широкий отклик и впоследствии легла в основу политики сокращения рождаемости [Sun Daquan, 2020. Pp. 14–15].

Близкое знакомство с советской политэкономией позволило китайским экономистам составить о ней собственное объективное мнение, разглядеть её недостатки и предложить свои планы развития экономического образования. Официально санкционированное развенчание авторитета советской политэкономии создало предпосылки для продолжения споров о создании собственной китайской экономической науки и даже о возможности включения в неё элементов западных теорий.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Краткий курс* (1938). [History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Brief course (1938).]. — М.: Издательство ЦК ВКП(б) «Правда».
- Китайская Народная Республика: политическое и экономическое развитие в 1973 году* (1975). [People's Republic of China: Political and economic developments in 1973 (1975).]. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука».
- Маркс К. (1960). *Капитал. Т. 1.* [Marx K. (1960). Capital. Vol. 1] // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Т. 23. Изд. 2-е [Marx K., Engels F. (1960). Works. 50 vols. Vol. 23.]. — М.: Государственное издательство политической литературы.
- Пивоварова Э.П. (1989). Экономическая наука КНР: 40 лет развития [Pivovarova E.P. (1989). Economic science in China: 40 years of development] // *Вопросы экономики.* № 10. С. 87–98.

- Радищев А.Н. (1949а). *Избранные сочинения* [Radishchev A.N. (1949a). *Selected works*]. — М.: Госполитиздат.
- Радищев А.Н. (1949б). *Избранные философские сочинения* [Radishchev A.N. (1949b). *Selected philosophical works*]. — М.: Государственное издательство политической литературы.
- Baodeliefu [Boldyrev] (1953). Guanyu kexue yanjiu gongzuo — Sulian zhuanjia Baodeliefu tongzhi wu yue liu ri zai caizheng jiaoyanshi de baogao jilu zhaiyao [Baodeliefu (1953). On scientific research work — excerpts from the transcript of the report of the Soviet expert comrade Boldyrev at the section of finance on May 6] // *Jiaoxue yu yanjiu*. No. 2. Pp. 21–22. (In Chinese).
- Cheng Fangwu (1951). Zhongguo Renmin daxue de jiaoyanshi gongzuo [Cheng Fangwu (1951). Work of teaching and research sections of Renmin University of China] // *Renmin ribao*. 30.03.1951. (In Chinese).
- Fan Hong (1950). Guanyu zhengzhi jingjixue jiaoxue wenti de ziwo piping [Fan Hong (1950). Self-criticism on the teaching of political economy] // *Renmin ribao*. 03.01.1950. (In Chinese).
- Fan Hong (2012). Guanyu zhengzhi jingjixue jiaoxue wenti de ziwo piping [Fan Hong (2012). Self-criticism on the teaching of political economy] // *Fan Hong zhuzuo ji. Shang* [Fan Hong's collection of writings. Part 1]. — Beijing: Beijing daxue chubanshe. Pp. 256–262. (In Chinese).
- Geng Huamin, Wu Qimin (2016). Sulian zhuanjia yu xin Zhongguo gaoxiao zhengzhi lilun kecheng de jianli [Geng Huamin, Wu Qimin (2016). The Soviet experts and the establishment of the political theory courses in universities in New China] // *Zhonggong dangshi yanjiu*. No. 6. Pp. 55–67. (In Chinese).
- Hayhoe R. (1996). *China's Universities 1895–1995. A Century of Cultural Conflict*. — New York and London: Garland Publishing, Inc.
- Hu Shi (2001). Hu Shi riji 1950 nian 9 yue 9 ri [Hu Shi (2001). Hu Shi's diary. September 9, 1950] // *Hu Shi riji quanbian*. 8 [The complete diary of Hu Shi. 8]. — Hefei: Anhui jiaoyu chubanshe. Pp. 50–51. (In Chinese).
- Jin yi bu xiang Sulian zhuanjia xuexi (Shelun) [Further learning from Soviet experts (Editorial)] (1953) // *Jiaoxue yu yanjiu*. No. 6. Pp. 2–3. (In Chinese).
- Li Xin (1992). Wushi niandai chu guanyu shengchanli yaosu de taolun [Li Xin (1992). Discussions on factors of productive forces in the early 1950s] // *Qinghua daxue xuebao (zhexue shehui kexue)*. No. 1. Pp. 1–3. (In Chinese).
- Liu Qunyi (2021). Renmin de jingjixue: yuanxi tiaozheng zhong de Beijing daxue jingji xueke [Liu Qunyi (2021). Economics for the people: Peking university's economic disciplines under faculty restructuring] // *Dai zong yang zhi — Chen Daisun xiansheng danchen 120 zhounian jinian wenji* [With respect to teacher Chen Daisun: An anthology of essays on the 120th anniversary of Mr. Chen Daisun's birth]. — Beijing: Beijing daxue chubanshe. Pp. 229–241. (In Chinese).
- Mao Zedong (1991). Lun renmin minzhu zhuanzheng [Mao Zedong (1991). On the people's democratic dictatorship] // *Mao Zedong xuanji. Di si juan* [Selected works of Mao Zedong. Vol. 4]. — Beijing: Renmin chubanshe. Pp. 1468–1482. (In Chinese).
- Mao Zedong (2013). *Mao Zedong nianpu (1893–1949)*. Xia juan [Mao Zedong (2013). Mao Zedong chronicle (1893–1949). Vol. 3]. — Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe. (In Chinese).
- Sixiang gaizao luntan [Thought remolding forum] (1952) // *Xin jianshe*. No. 5. Pp. 53–56. (In Chinese).
- Stiffler D. (2005). Resistance to the Sovietization of Higher Education in China // *Universities Under Dictatorship* / J. Connelly and M. Grüttner (Eds.). — University Park, USA: Penn State University Press. Pp. 213–244. DOI: 10.1515/9780271093499-011
- Stiffler D.A. (2007). Creating New China's First New-Style Regular University, 1949–50 // *Dilemmas of Victory* / J. Brown and P.G. Pickowicz (Eds.). — Cambridge (Mass.): Harvard University Press. Pp. 288–308. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt13x0f5f.15>
- Stiffler D. (2010). “Three blows of the shoulder pole”: Soviet experts at Chinese People's University, 1950–1957 // *China learns from the Soviet Union, 1949–Present* / Th. P. Bernstein and Hua-yu Li (Eds.). — Lanham, MD: Lexington Books. Pp. 303–325.
- Sun Daquan (2020). Xin Zhongguo 70 nian lilun jingjixue yanbian yu fazhan [Sun Daquan (2020). The evolution and development of theoretical economics in 70 Years of New China] // *Renwen zazhi*. No. 5. Pp. 13–21. (In Chinese).
- Wang Yanan (1959). Dui woguo jingjixue jie de huigu he qianzhan [Wang Yanan (1959). Review and prospects of China's economics circles] // *Jingji yanjiu*. No. 10. Pp. 38–39. (In Chinese).
- Wu Huifan (2012). Xin Zhongguo wenke gaodeng jiaoyu de «gongzuo muji» — 20 shiji wu liushi niandai Zhongguo renmin daxue de banxue tansuo yu gongxian [Wu Huifan (2012). The «mother machine» of the humanities in higher education in New China — Educational exploration and contribution of Renmin university of China in the 1950s and 1960s] // *Zhongguo renmin daxue xuebao*. No. 6. Pp. 140–145. (In Chinese).
- Wu Qimin, Geng Huamin (2017). Sulian zhuanjia yu Zhongguo Renmin daxue zhengzhi jingjixue lilun kecheng de jianli (1949–1957 nian) [Wu Qimin, Geng Huamin (2017). Soviet Experts and the establishment of the course on the theory of political economy at Renmin University of China] // *Dangdai Zhongguo shi yanjiu*. No. 7. Pp. 63–72. (In Chinese).
- Wu Yuzhang (1953). Zhongguo Renmin daxue san nian lai gongzuo jiben zongjie [Wu Yuzhang (1953). A basic summary of three years of work at Renmin University of China] // *Renmin ribao*. 04.09.1953. (In Chinese).

- Xu Yunan (1954). Shiba shiji Eluosi xianjin sixiangjia Lajishefu he tade jingji sixiang — jingji sixiang shi de yi zhang [Xu Yunan (1954). The advanced Russian thinker of the eighteenth century, Radishchev, and his economic thought — a chapter of the history of economic thought] // *Xin jianshe*. No. 5. Pp. 35–47. (In Chinese).
- Zhang Youren (2012). *Zhang Youren huiyi wenji* [Zhang Youren (2012). Anthology of Zhang Youren's memories]. — Beijing: Beijing daxue chubanshe. (In Chinese).
- Zhao Jing (2012). Dui xin Zhongguo chengli chuqi gaoxiao jiaoxue gaige zhong xuexi Sulian wenti de renshi [Zhao Jing (2012). Understanding of the problem of studying the Soviet Union in the teaching reform of colleges and universities in the early period of New China] // *Dangdai Zhongguo shi yanjiu*. No. 2. Pp. 63–66. (In Chinese).
- Zheng Gang, Lan Jun (2007). 20 shiji 50 niandai gaodeng jiaoyujie pingqiang Sulian zhuanjia fazhan licheng, tedian ji qi yingxiang [Zheng Gang, Lan Jun (2007). History, features, and influence: on China's employment of experts from Soviet Union in colleges and universities in the 1950s] // *Jishou daxue xuebao (shehui kexue ban)*. Vol. 28. No. 1. Pp. 124–129. (In Chinese).

Борох Ольга Николаевна

borokh@hotmail.com

Olga Borokh

PhD (Economics), Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of sciences (Moscow)

borokh@hotmail.com

TRANSFORMATION OF THE ECONOMIC EDUCATION SYSTEM IN CHINA (THE FIRST HALF OF THE 1950s)

Abstract. The paper focuses on the transformation of economic education in China in the first half of the 1950s, when Marxist political economy became part of the official ideology. Among Chinese professional economists at that time the majority had degrees from Western universities. The long-standing estrangement between Chinese “bourgeois” and Marxist economists hampered the task of smooth adaptation of old teaching staff to the new requirements. After a brief debate about the applicability of Western economics in China related courses were excluded from university curricula. Mastering of the Russian language and Soviet academic literature by Chinese professional economists has led to noteworthy studies on the history of Russian economic thought. Imbued with a revolutionary spirit professors of the recently established People's University of China have contributed to constructing a new model of economic education by comprehensively embracing the Soviet experience. The task was to move from educating a small number of experts in economics to the mass training of teachers of Marxist political economy, and to establish a collectivist educational system. It was not easy to connect Soviet political economy with Chinese reality when Chinese economists had not yet grasped the new theory, while Soviet experts did not fully understand Chinese specifics. The debate in the early 1950s about the factors of productive forces demonstrated the commitment of Soviet lecturers to the Stalinist interpretation, which was not accepted by some Chinese economists. Successes in implementing the Soviet model were questioned within China as an unwanted manifestation of “dogmatism”. Through close acquaintance with Soviet political economy Chinese economists formed their own opinion about it, thus moving from copying to paying greater attention to national characteristics.

Keywords: *Marxist political economy, Western economics, Peking University, People's University of China, Soviet experts.*

JEL: B2, B24, A2.